

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН В ФОКУСЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.020
УДК 378-057.175:94 + 378.4(470.62)

И. Г. Тажикина
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия

РУБЕЖ 1980–1990-х гг. В СУДЬБАХ ВЫПУСКНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КУБАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ*

Социальная история России последнего десятилетия XX в. тесно связана с завершающим этапом развития советского общества — временем «перестройки». Однако и тот и другой периоды недостаточно разработаны в отечественной историографии; особенно это касается таких аспектов, как повседневная жизнь людей в переходном обществе, социальная мобильность населения, жизненные стратегии молодого поколения. Статья нацелена на исследование того, каким образом новые политические и социально-экономические реалии рубежа 1980–1990-х гг. воздействовали на профессиональное самоопределение молодых людей, вступавших в это переломное время в самостоятельную жизнь. Мы предлагаем рассмотреть данную проблему на примере юношей и девушек, которые на исходе советской эпохи избрали своей специальностью историю, приложили максимум усилий для поступления на престижный исторический факультет Кубанского государственного университета, но, получив диплом о высшем образовании уже в иных общественных условиях, были вынуждены корректировать либо кардинально менять свои первоначальные профессиональные планы. Источниковой базой исследования послужили личные дела выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского государственного университета 1992 и 1993 гг., а также материалы 20 глубинных интервью с выпускниками, проведенных в 2018 г. Был составлен коллективный «портрет» выпускника дневного отделения истфака КубГУ 1992 и 1993 гг. (абитуриента 1987 и 1988 гг.). Выяснение мотиваций выбора в пользу истфака показало, что для многих факультет был привлекателен

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

с точки зрения карьерного роста в партийных органах, госуправлении (особенно для комсомольских активистов). Последствия «перестройки» для личных профессиональных планов осознавались постепенно. Нестабильные экономические условия перехода к рынку привели к тому, что многие выпускники начали трудовой путь с устройства «по специальности» (в школы, музеи).

Ключевые слова: социальная история; «перестройка»; партийная номенклатура; карьера; исторический факультет; профессиональный выбор.

Цитирование: Тажидинова И. Г. Рубеж 1980–1990-х гг. в судьбах выпускников исторического факультета Кубанского университета: проблемы профессионального самоопределения // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 270–282.

Поступила в редакцию 22.10.2018

Принята к печати 23.01.2019

Irina G. Tazhidinova

*Kuban State University
Krasnodar, Russia*

THE TURN OF THE 1990s IN THE LIVES OF GRADUATES OF THE FACULTY OF HISTORY, KUBAN UNIVERSITY: ISSUES OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

The social history of Russia in the last decade of the 20th century is closely related to the last stage in the development of Soviet society, the time of “perestroika”. These periods have not been sufficiently studied in national historiography, especially such aspects as the daily life of people in a transition society, the social mobility of the population, and the life strategies of young people. The article discusses the influence of the new political and socio-economic realities of the turn of the 1990s on the professional self-determination of young people entering independent life at the time. The author suggests considering this issue with reference to boys and girls who chose to major in history, making every effort to enter the prestigious Faculty of History at Kuban State University at the end of the Soviet era. However, they gained a diploma of higher education in different social conditions, and they had to reconsider or radically change their professional plans. The research refers to the personal records of full-time graduates of the Department of History, Kuban State University for 1992 and 1993 and materials of 20 interviews with graduates held in 2018. The author compiles a collective “portrait” of a graduate of the full-time department of KubSU in 1992 and 1993 (applicant of 1987 and 1988). The author reveals the motivation underlying the choice they made in favour of the Faculty of History. It is established that for many people, the Faculty was attractive in terms of career growth in party organs and state administration (especially for Komsomol activists). Young people gradually realised the consequences of “restructuring” for their personal professional plans. In the unstable economic conditions of the transition to market economy, many graduates started their careers exercising the profession they had chosen (at schools, museums).

Key words: social history; “perestroika”; party nomenclature; career; historical faculty; professional choice.

Acknowledgements

This article was prepared with financial support from the Boris Yeltsin Presidential Center Foundation within the framework of the project “The Social History of Russia (1990s)”.

Citation: Tazhidinova, I. G. (2019). Rubezh 1980–1990-kh gg. v sud’bakh vypusknikov istoricheskogo fakul’teta Kubanskogo universiteta: problemy professional’nogo samoopredeleniia [The Turn of the 1990s in the Lives of Graduates of the Faculty of History, Kuban University: Issues of Professional Self-determination]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 270–282.

Submitted on 22 October, 2018

Accepted on 23 January, 2019

Молодежь выполняет в обществе важную функцию смены поколений, непосредственно участвует в воспроизводстве и пополнении социального потенциала страны. Поэтому так важно понять ее роль в преобразовании всех сфер жизнедеятельности социума, вступившего на путь кардинальных трансформаций, как это произошло на рубеже 1980–1990-х гг. С другой стороны, характер и содержание деятельности молодежи как субъекта социального развития напрямую зависит от исторических обстоятельств, объективных условий среды, предлагающей ей определенные модели самореализации. В этой связи актуально рассмотрение жизненных траекторий и социальных притязаний молодых россиян, реализовывавших их в сложной, трудно предсказуемой по своим последствиям, ситуации начала 1990-х гг. Особенного внимания заслуживает аспект профессионального самоопределения молодежи в переходном обществе. Рассмотрим его на примере тех юношей и девушек, которые на исходе советской эпохи избрали своей специальностью историю и, пройдя серьезный отбор, поступили на дневное отделение исторического факультета Кубанского государственного университета. Получив диплом о высшем образовании уже в иных политических и социально-экономических условиях, они зачастую были вынуждены корректировать либо кардинально менять свои первоначальные профессиональные планы.

При разработке данной темы можно опереться на теоретические и методологические исследования, посвященные концепции жизненного пути, жизненным стратегиям личности [Абульханова-Славская; Кон; Резник]. В некоторых из них акцент сделан именно на изучение социального самочувствия личности в переходном обществе [Константиновский, Вознесенская, Чередниченко; Наумова]. Актуализация образовательных и профессиональных траекторий молодежи отсылает нас к работам, связанным с изучением жизненных путей поколений как социального и исторического феномена [Левада], а также к конкретно-историческим исследованиям на эту тему [Еремеева; Карпов].

Наиболее существенное влияние на складывание жизненной траектории молодого человека, завершавшего обучение в российском вузе в начале последнего десятилетия XX в., оказывали политические и экономические трансформации общества, состояние рынка труда, нарастание конкуренции в сфере занятости. Новые российские реалии особым образом отразились на судьбах выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. Мы предполагаем, что, поступив во второй половине 1980-х гг. на престижный факультет лучшего вуза Кубани, эти юноши и девушки, в большинстве своем, претендовали на достаточно высокие стартовые позиции после его окончания. Будучи «идеологическим факультетом», истфак потенциально открывал перспективы карьерного роста и, соответственно, достойной по меркам советского времени материальной обеспеченности. Каким образом происходило осознание и освоение новых политических и экономических реалий, профессиональное самоопределение вчерашних студентов истфака в них, — это и станет предметом нашего анализа. Его источниковой базой послужили личные дела выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (двух выпусков), сохраняемые в университетском архиве, а также материалы 20 глубинных интервью с выпускниками, проведенных автором статьи в 2018 г.

На основе работы с личными делами (123 дела) можно составить коллективный «портрет» выпускника дневного отделения истфака КубГУ 1992 и 1993 гг. (это преимущественно абитуриенты 1987 и 1988 гг.) [Архив КубГУ]. В большинстве своем, это люди 1970 (42 чел., что составляет 34 %), 1969 (25 чел., 20 %) и 1971 (23 чел., 19 %) годов рождения. Абитуриенты «отдаленных» 1960-х годов рождения (33 чел., 27 %) оказались среди выпускников дневного отделения истфака КубГУ 1992/1993 гг. по причине перевода с заочного либо вечернего отделений, восстановления в вузе после службы в армии или в силу иных обстоятельств, а также потому, что штурмовали истфак не впервые, попадали туда после обучения на подготовительном отделении (рабфаке). Соотношение мужчин и женщин среди выпускников практически равное, но именно выбор юношей в пользу гуманитарного (исторического) факультета свидетельствует о его престижности и «особом» потенциале карьерного роста.

В свете нашей темы интересен вопрос о том, как в студенты престижного факультета попадали абитуриенты с баллом ниже проходного, поскольку в 1987 и 1988 гг. для поступления на дневное отделение истфака нужно было набрать не менее 13 баллов по результатам трех экзаменов. Большую роль во внеконкурсном зачислении, как правило, играли льготы окончившим рабфак (с рабфака брали даже с 9 баллами, и таким образом поступило 15 чел.), а также различные направления и рекомендации. Последние могли быть из войсковых частей, где юноши проходили армейскую службу, или от органов народного образования (гороно, районо), обязавшихся предоставить выпускникам работу по специальности в направивших их на учебу регионах. И, конечно, все шансы попасть на истфак с непроходным баллом были у тех юношей и девушек, чьи родители

трудились на предприятии, готовом обеспечивать будущего студента повышенной стипендией (надбавка — 15 %).

Анализ социального положения родительских семей студентов истфака КубГУ, завершивших обучение в 1992 и 1993 гг., позволил получить следующие данные. Предсказуемо подтвердилось предположение, что историческое образование было особо востребовано семьями, где родители представляли гуманитарную и инженерно-техническую интеллигенцию. Среди отцов и матерей наших выпускников оказалось много преподавателей (школ, техникумов, вузов, музыкальных училищ), инженеров и специалистов с высшим образованием (работников заводов, трестов, строительных организаций), врачей городских и поселковых больниц. В то же время очевидно, что на истфак стремились и попадали дети из семей работников без высшего образования. Отнюдь не единичны случаи, когда оба родителя студента-историка занимали самые простые ступени социальной иерархии (шофер и швея, слесарь и рабочая в совхозе). В нашей выборке минимум десять таких примеров.

В контексте нашего исследования актуален вопрос о том, как часто выбор в пользу истфака одобряли (или делали) родители, занимавшие высокие посты в государственном управлении, партийной номенклатуре и т. д. Анкетные данные наших выпускников отразили такую «одобрительную» тенденцию. Так, в 6 случаях один из родителей был руководителем высшего звена (директор завода, председатель колхоза), в 22 случаях — руководителем среднего звена (заместитель директора, главный бухгалтер), в 18 случаях — руководителем низшего звена (начальник цеха, отдела), в 9 случаях — принадлежал к руководящим кадрам партийной номенклатуры. Особо «говорящими» в пользу престижности истфака следует признать случаи, когда обучение сына или дочери на данном факультете «благословляли» такие семейные пары как: заместитель управляющего треста «Краснодаркурортстрой» и главный бухгалтер конторы экспорта и сбыта Краснодарского краевого агропрома; заместитель начальника управления торговли Адыгейского облисполкома и секретарь Адыгейского облисполкома; декан заочного отделения Университета марксизма-ленинизма при Краснодарском крайкоме КПСС и старший товаровед Военторга.

Переходя к результатам интервьюирования выпускников дневного отделения истфака КубГУ 1992 и 1993 гг., для начала выясним, ощущали ли они при поступлении (напомним, для большинства это были 1987 и 1988 гг.), что выбрали престижный факультет, и какие вынашивали профессиональные планы в связи с этим выбором.

Престижность факультета, по воспоминаниям выпускников, была очевидным фактом. Во-первых, она подтверждалась конкурсом на данную специальность (8 и более претендентов на одно место). Во-вторых, диплом истфака открывал доступ во властные структуры, что респонденты представляют как общеизвестную информацию. Ц. А. подтверждает, что знал о статусности исторического факультета, *«потому что, кроме того что это был идеологический факультет, это самый престижный был, по крайней мере, у нас, в нашем университете,*

по крайней мере, я слышал от других» [Интервью 7]. П. В. рассказывает: «У меня было представление твердое о том, что все кадры партийные, административные, комсомольские, профсоюзные — это те люди, которые прошли обучение на факультете историческом. То есть вот четкое понимание, что этот факультет готовит управленцев» [Интервью 1].

В известном смысле, такая репутация истфака сокращала шансы тех, кто стремился туда из любви к истории как науке. Н. И. утверждает, что среди ее однокурсников число «одержимых историей» оказалось минимальным, и сама же объясняет данную ситуацию: «На тот момент не было ни факультета управления, ни психологии... ни всех факультетов, которые потом вышли с исторического факультета. Поэтому весь цвет собирался на историческом факультете. Отбор!» [Интервью 11]. Несколько респондентов подчеркнули, что юридический факультет по престижности уступал историческому.

Выбор в пользу поступления на исторический факультет, имеющий прямую связь с активностью респондента на ниве комсомольской и другой общественной работы, зафиксирован в 9 случаях из 20. Интенция к поступлению на истфак ради продолжения такого рода деятельности могла быть очень сильной, доминирующей. О том, как она формировалась, рассказывает Н. И.: «Я была в комсомоле. У меня была одна задача. Мне хотелось, чтобы людям было весело. <...> Я любила все эти общественные мероприятия. Я любила пионерию. Я была председателем Совета дружины. Я любила комсомол. Потому что мы делали всякие мероприятия. За кем-то ухаживали, что-то спасали. Мне это очень нравилось». В старших классах такого рода активность зачастую перерастала в значимую потребность личности, как это и произошло с Н. И. По ее убеждению, удовлетворить такую тягу способно было поступление на истфак и те перспективы, которые он открывал. «Мне нравилась история относительно. И я понимала, чтобы, например, как-то дать своим друзьям, соратникам, людям что-то хорошее, мне нужно идти в сторону комсомола, в сторону каких-то партийных, наверное, вещей. Потому что на тот момент это были организации, которые занимались досугом людей, их мировоззрением и так далее и тому подобное. То есть только поэтому. Я никогда не мечтала вступить в партию. Но, в принципе, в моих мыслях было вот именно это направление». Здесь выбор в пользу истфака не был отягощен узкокорыстным карьеристским интересом: «Я поняла, что это то, что именно хочу я. И я, верите — не верите, не понимала, где я смогу работать» [Интервью 11].

О сходной установке, похоже, не лишенной альтруизма, рассказал Б. В., видевший в поступлении на истфак возможность «реализовывать какие-то идеи», «переустроить мир» (так как «оттуда выходят руководители»). В выпускном классе он занимал должность секретаря комсомольской организации школы, вел переписку с центральными печатными изданиями («Пионерской правдой», «Комсомольской правдой»). Как утверждает Б. В., администрация его школы поощряла «руководительские амбиции» комсомольских лидеров [Интервью 2]. Ш. Г., накануне поступления на истфак тоже возглавлявшая комсомольскую

организацию школы (только в этом случае сельской, а не краснодарской), описывает это взаимодействие так: *«Секретарь комсомольской организации — это второй человек в школе был после директора. Потому что жизнь учеников старших классов была увязана на нем, и внеклассная деятельность только с ним согласовывалась»*. Эта тесная связь сформировала в Ш. Г. большие амбиции (*«Я знала, что если хочешь сделать карьеру в партийных структурах, то исторический...»*). Логика подсказывает, что не одна она была движима такими планами: *«Я, наверное, как и многие мои однокурсники, мы поступали на истфак... мы же не в учителя истории, тогда же можно было для этого поступить в какой-нибудь пединститут, а не обязательно ехать в университет»* [Интервью 14].

П. В. рассказывает: *«Достаточно рано сформировалось понимание того, что я буду как минимум директором школы. Или же руководителем комитета комсомола, профсоюза, партийной какой-то организации, потому что в школе была очень активная деятельность общественная, начиная с 6-го класса, когда меня избрали председателем Совета дружины. И благополучно по самый 9-й класс»*. На организаторские способности П. В. обращали внимание учителя и все три директора, сменившиеся на этом посту за время ее обучения в станичной школе: *«Со всех сторон периодически в уши эта поступала информация. <...> “Однозначно, отучишься, вернешься и будешь работать в школе директором”»* [Интервью 1].

У некоторых из будущих студентов истфака идея поступать именно туда оформилась за время службы в армии или работы на производстве. С. И. сообщил, что *«желание пойти на истфак возникло в армии, когда служил уже на втором году службы. Был комсоргом взвода. Мне порекомендовали идти по партийной комсомольской линии»*. Импульс исходил от бесед с замполитом, который увидел у С. И. организаторские способности и, в конечном итоге, указал прямой путь: *«Иди на истфак»* [Интервью 6]. В этом же русле развивалась ситуация С. Т., которая не поступила на истфак с первого захода (шла туда «по любви» к истории) и год проработала на Краснодарской парфюмерной фабрике. Там из-за успехов в самодеятельности С. Т. стали *«пророчить какую-то руководящую направленность»* и 18-летнюю выдвинули кандидатом в члены КПСС. В общем, за год работы на фабрике девушка только укрепилась в мысли идти на истфак: *«Я прекрасно осознавала, что не все поступающие на такие факультеты будут работать в школе»* [Интервью 3].

Увлеченность историей или позитивное отношение к ней как к школьному предмету выразили многие наши респонденты, но определяющим для выбора факультета оно стало в единичных случаях. С другой стороны, имеют место прецеденты, когда абсолютно равнодушный к истории молодой человек рвался на истфак с не меньшим упорством, чем ее фанатичный почитатель. Таков был П. С., трижды штурмовавший истфак, но отнюдь не из любви к истории. П. С. признавался, что его *«история вообще не интересовала»*, а на истфак он шел *«чисто для того, чтобы делать карьеру»*. Впоследствии быть там *«не самым худшим студентом»* ему помогли так называемые *«партийные навыки»*. И в школе,

и в армии умение излагать материал было отшлифовано им до приличного уровня: *«Я еще когда в школе... я выступал практически на всех митингах, при людях, когда тысяча человек. Умер Брежнев, умер Андропов — всех провожал»* [Интервью 8].

К. Э. утверждает, что ориентация на работу в партийных органах по окончании истфака была не столько «карьеристской», сколько логичной для любого целеустремленного выпускника советской школы второй половины 1980-х гг.: *«Мы были в тот момент так воспитаны, мы понимали, что это наш путь»* [Интервью 5]. Другие респонденты указали, что отличная учеба просто обязывала занимать передовые позиции в рядах ВЛКСМ. Так, «золотой» медалист В. О. вспоминает, что комсомольскую активность *«проявлял... не вынужденно, а автоматически, из-за того, что хорошо учился. Отличники всегда были где-то. А так как я был круглый отличник, то я... где-то был»* [Интервью 15].

Природная активность в сочетании с объективными обстоятельствами приводила к самореализации именно по линии ВЛКСМ даже тех, кто был чужд карьеризма, а логическим следствием такой активности зачастую становилось поступление все на тот же истфак. Например, Ц. А. отрицает у себя карьерные устремления: *«Нет, я не был до такой степени советским, чтобы делать партийную карьеру»*. Тем не менее, еще в армии, где он был секретарем комсомольской организации, заместителем командира взвода, начальник политотдела накануне демобилизации предложил ему *«хороший вариант — ехать в Москву учиться, Высшая Комсомольская школа при ЦК КПСС, внеконкурсное зачисление»*. И хотя от этого «обалденного вуза» Ц. А. отказался, уже в Краснодаре он сделал выбор в пользу истфака, правда, чтобы стать педагогом, а не идеологом [Интервью 7].

Несколько наших респондентов максимально откровенно подтвердили свою ориентацию на карьеру по линии КПСС. *«Чисто я шел на истфак для того, чтобы стать партийным работником, — рассказывает П. С. — Я думал, что закончу университет, пойду работать в партийные органы, в райкомы. Я другого ничего не думал, ни вправо, ни влево. Есть люди, которые фантазируют, а я даже не фантазировал»*. Женитьба на дочери «крайкомовского работника», случившаяся на 2-м курсе, должна была способствовать воплощению в жизнь карьерных амбиций [Интервью 8]. Также четко формулирует свою позицию Ш. Г.: *«Я пошла на истфак, потому что я хотела делать партийную карьеру. В школе я была несколько лет Председателем Совета дружины, потом когда я заканчивала 10 класс — я была секретарем комсомольской организации школы. И я шла на истфак не для того, чтобы быть учителем истории в школе, а я хотела быть именно каким-нибудь партийным функционером. Ну, на уровне, наверное, секретаря райкома, горкома. Можно было пометать»* [Интервью 14].

Одним из самых примечательных сюжетов наших интервью оказалось то, что в трех из них упоминалось стремление в будущем занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Даже если речь идет об эпатаже или неумемных амбициях, симптоматично само явление, а также то, что респонденты сообщали об этом без иронии. Как поведала нам о своих детско-подростковых планах Н. И.: *«Когда я*

была в детском саду, то хотела быть воспитателем детского сада. Когда я была в школе, то уже больше ничего не хотела. Я занималась спортом и комсомолом... И потом я уже хотела быть Генеральным секретарем ЦК КПСС» [Интервью 11].

Показательны также результаты опроса, который проводился среди первокурсников дневного отделения истфака КубГУ, поступивших в 1987 г. Об этом анкетировании на тему «перспектив нашего обучения» вспомнила С. Т. По ее словам, *«только 7 человек из 25 (из группы) сказали, что они хотят именно быть учителями в школе»*. *«Я как бы не была “белой вороной”, — продолжает С. Т. — Все написали, что видят себя, да, на руководящих должностях, связанными либо с партийной деятельностью, либо с руководящей (советской) деятельностью, либо с управленческой какой-то» [Интервью 3].*

Крушение подобных карьерных планов, очевидно, произошло на рубеже 1980–1990-х гг. К. Э. вспоминает, что декан истфака П. Я. Угринович довел до сведения обучающихся на каком-то собрании, что *«факультет меняет свое направление, теперь мы будем готовить только учителей истории»*. Это заявление вызвало у многих студентов шок [Интервью 5].

Учитывая намерение большей части наших собеседников реализоваться по партийной линии, логично было уточнить, понимали ли они на рубеже 1980–1990-х гг., что последствия «перестройки» затронут их личные профессиональные планы. Самый распространенный ответ, который мы получили: *«Перемены мы все видели, но куда они приведут — не понимали» [Интервью 20]*. Общая оценка этих перемен на момент проведения политики «перестройки» в большинстве случаев позитивна. Во-первых, привлекала неизмеримо возросшая по сравнению с предыдущими периодами советской истории степень свободы. Б. В. рассказывает: *«Было все интересно, какой-то такой подъем, что-то новое. Я читал газету “Московские новости”, прямо в колхозе обсуждали между собой. “Перестройка” не воспринималась как крушение чего-то. Наоборот, воспринималась как что-то положительное, открытие» [Интервью 2]*. Во-вторых, в обществе чувствовался огромный интерес к истории. Это отозвалось введением в научный оборот новых исторических источников, возможностью исследовать новые, до сих пор табуированные темы (некоторые из наших респондентов разрабатывали их как темы курсовых и дипломных работ).

Н. И., по собственным словам, индифферентная к «перестройке», описывает, что студенты в это время наблюдали за поведением своих преподавателей как в театре: *«Ситуация в стране была неким на нашем факультете спектаклем из преподавателей. Потому что на глазах у нас доцент Громов из простого парня пашковского превратился... в атамана Всекубанского казачьего войска (1990)... пришел на 3 курсе в папахе, в бурке, бросил все, и начал уже как атаман с нами разговаривать... не в плане хамства... а был обыкновенным, а тут... Я помню очень хорошо, как вышел из партии Ждановский, вышел из партии Смертин. А Павловский, наоборот, вошел в партию» [Интервью 11]*.

Таким образом, позицией наших собеседников в «перестройку» было, по преимуществу, наблюдение. Студенты наблюдали за переменами именно

«с высоты» своей специальности, а на свою судьбу их до поры не проецировали. Так складывалось потому, что, во-первых, положение КПСС казалось крепким, несмотря ни на что; в этой иллюзии можно усмотреть проявление инерции мышления советских людей. А «прозрению» историков мешала еще и своего рода профессиональная деформация. Н. И. рассказывает: *«Я видела происходящее в стране как материал исторический. И воспринимала это как объективную действительность. И что от этого, вроде, никуда не уйти»* [Интервью 11]. Во-вторых, сказывалась специфика взгляда из провинции. Как выразился Ц. А., *«перестройка была в телевизоре»* [Интервью 7]. Ему вторит С. И.: *«А что мы в Краснодаре... По телевизору же смотришь... Да, что-то меняется»* [Интервью 6]. Однако самым мощным фактором, оттянувшим отрезвление, стала молодость наших респондентов, интереснейшая атмосфера и «веселая жизнь» на истфаке. В подтверждение — пассаж из интервью с В. О.: *«Когда путч был, то я в лагере был пионервожатым или спасателем, практику проходили. В лагере было намного веселее, чем думать о путче»* [Интервью 15]. Сказывалось и то, что несколько наших респондентов уже в студенческие годы успели создать семьи, и для них общественное заслонило личным, насущным. Как вспоминает о той же ситуации путча С. И.: *«Когда у нас было ГКЧП (в августе 91-го года), в этот момент летом я работал. Работал на стройке, чтоб заработать деньги на сына»* [Интервью 6].

Единицы, раньше других осознавшие, что с расчетами на номенклатурную карьеру и руководящие должности стоит попрощаться, сосредотачивались на отличной учебе, научно-исследовательской работе (чтобы далее состояться в науке), но число таких было невелико. Карьерно ориентированные, если они были выходцами из интеллигентных семей или непосредственно из семей номенклатурных работников, держали совет с родственниками, но, как правило, никуда с истфака не переводились. Как цитирует К. Э. своего влиятельного отца, принадлежавшего к партийной элите краевого уровня, *«бессмысленно останавливаться на полпути, тем более в ситуации полной неизвестности»* [Интервью 5].

Для большинства же, как верно заметил Ц. А., *«начало все по швам трещать... когда рухнул Советский Союз»*, а в 1992 г. он и его однокурсники *«получили дипломы еще с гербом несуществующей страны... советские дипломы»* [Интервью 7]. Судя по материалам наших интервью, тогда основная масса выпускников 1992 и 1993 гг. разделилась на две неравные группы.

К первой группе мы отнесем редких, буквально единичных выпускников, кто с большим воодушевлением отнесся к переменам в стране в 1992–1993 гг. и сразу же после выхода из стен университета приступил к экспериментам в сфере занятости. К примеру, В. О. о совсем недавно желанной карьере «номенклатурного работника» не горевал совершенно: *«Думал, бизнес какой-то начать. Наоборот, думал, что появилась возможность финансово стать более обеспеченным, чем если бы были те планы. <...> Я приветствую и сейчас то новое время, тот переход, потому что я осознанно понимал, что то, в чем мы думали, что будем жить, то это будет более европейское, более западное общество. И оно будет лучше».*

Более многочисленна группа выпускников, после окончания университета оказавшихся в школах и музеях, т. е. трудоустроившихся «по специальности». В отсутствие практики распределения, канувшей в лету вместе с СССР, это были осознанные решения. Среди выбравших местом работы школы и музеи были прежде всего те, кто в свое время и поступал на истфак, чтобы стать школьным учителем истории или мечтал об искусствоведении. Однако в эти же учреждения «спикировали» некоторые их тех, кто совсем недавно лелеял мечты о номенклатурном взлете. Причин для выстраивания именно такой траектории немало: инерция (на кого учились, туда и устроились), житейская ситуация (требовалось быстрее устроиться хоть куда-то, чтобы прокормить семью с ребенком; данный мотив обычно срабатывал в мужских сценариях, но имеются прецеденты и в женских), связи (через контакты родителей или знакомых выпускнику подыскивалось что-то подходящее в рамках полученной специальности).

Оценивая свое первоначальное трудоустройство сегодня, многие выпускники вспоминают такого рода опыт как положительный, поскольку работать было интересно, не скучно, даже «затягивало». В музеях наблюдалась относительная свобода самовыражения, проявлявшаяся в организации выставок, реализации масштабных проектов. Администрация школ также не оказывала излишнего давления на молодых педагогов, появилась возможность использовать новые учебники и методики, кроме того, работа с детьми приносила удовольствие и моральное удовлетворение. С другой стороны, практически все новоиспеченные школьные учителя истории и сотрудники музеев были вынуждены дополнять мизерную зарплату в этих учреждениях вспомогательными заработками, бесспорно, унижительными для них. Прежде всего, речь идет о «челночном бизнесе» или других подработках в сфере коммерции. Респонденты утверждают, что подобные практики были необходимостью, к которой прибегали время от времени, но «системой» они не являлись.

Подводя итоги, отметим, что траектория карьерно ориентированной советской молодежи (прежде всего, комсомольских активистов), во второй половине 1980-х гг. логично прокладывалась через истфак, где молодые люди могли наилучшим образом подкрепить, развить, реализовать свои силы и интересы. Одни на благо общества, другие — ради собственной выгоды. Но достаточно часто общественное и личное не отделялись друг от друга, а прихотливо переплетались. В любом случае, в позднесоветский период данная схема утвердилась в качестве типичной, гарантировавшей хороший старт в карьере. Как подчеркивает российский социолог А. А. Возьмитель, «принцип номенклатурного роста был такой: для продвижения по карьерной лестнице необходимо было пройти аппаратную работу в комсомоле и иметь соответствующее образование» [Карпов]. Однако последствия «перестройки» внесли серьезные коррективы в профессиональные планы выпускников исторического факультета КубГУ. Крушение номенклатурных перспектив было вызовом, на который предстояло ответить карьерно ориентированной части выпускников. Но и всем выпускникам истфака в целом

пришлось формировать свои профессиональные траектории в совершенно новых социально-экономических условиях. Многие предпочли начать свой трудовой путь с устройства на работу «по специальности» (в школы, музеи); нестабильная экономическая обстановка к экспериментам не располагала. Как свидетельствуют наши респонденты — выпускники исторического факультета КубГУ 1992 и 1993 гг., — желание или, скорее, необходимость рисковать и экспериментировать в сфере занятости пришли к большинству из них лишь некоторое время спустя, в процессе постепенного приспособления к рыночным отношениям.

Источники

Архив КубГУ — Архив Кубанского государственного университета. Исторический факультет. Дневное отделение. Личные дела. Выпуск 1992 и 1993 г.

Интервью 1: П. В., женщина, 1968 г. р., выпуск 1992 г. Запись 15 апреля 2018 г.

Интервью 2: Б. В., мужчина, 1970 г. р., выпуск 1993 г. Запись 22 апреля 2018 г.

Интервью 3: С. Т., женщина, 1969 г. р., выпуск 1992 г. Запись 8 мая 2018 г.

Интервью 5: К. Э., мужчина, 1970 г. р., выпуск 1993 г. Запись 9 мая 2018 г.

Интервью 6: С. И., мужчина, 1966 г. р., выпуск 1992 г. Запись 4 июня 2018 г.

Интервью 7: Ц. А., мужчина, 1967 г. р., выпуск 1992 г. Запись 5 июня 2018 г.

Интервью 8: П. С., мужчина, 1966 г. р., выпуск 1992 г. Запись 12 июня 2018 г.

Интервью 11: Н. И., женщина, 1969 г. р., выпуск 1993 г. Запись 6 июля 2018 г.

Интервью 14: Ш. Г., женщина, 1970 г. р., выпуск 1992 г. Запись 25 июля 2018 г.

Интервью 15: В. О., мужчина, 1969 г. р., выпуск 1993 г. Запись 6 августа 2018 г.

Интервью 20: К. Д., мужчина, 1969 г. р., выпуск 1993 г. Запись 10 сентября 2018 г.

Исследования

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Еремеева А. Н. Последнее советское поколение в жизнеописаниях его представителей. Краснодар: Традиция, 2011.

Карпов М. А. Комсомол ответил «есть». Почему функционеры ВЛКСМ стали преуспевающими бизнесменами [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/11/komsomol/> (дата обращения: 25.08.2018).

Кон И. С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук / ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 471–482.

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI вв.: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014.

Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социол. журн. 1995. № 2. С. 19–25.

Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира. М.: Незав. ин-т гражд. о-ва, 1995.

References

Abulhanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategija zhizni* [Strategy of Life]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Eremeeva, A. N. (2011). *Poslednee sovetskoe pokolenie v zhizneopisanijah ego predstavitelej* [The Last Soviet Generation in the Biographies of Its Representatives]. Krasnodar: Traditsia. (In Russian)

Karpov, M. A. *Komsomol otvetil "est". Pochemu funkcionery VLKSM stali preuspevayushimi biznesmenami* [Komsomol Answered "Aye! Aye!". Why Komsomol Functionaries Became Successful Businessmen]. Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2017/06/11/komsomol/>. (In Russian)

Kon, I. S. (1999). Zhiznennyi put' kak predmet mezhdistsiplinarnogo issledovaniia [Life Path as a Subject of Interdisciplinary Research]. In I. T. Frolov (Ed.), *Chelovek v sisteme nauk* [Man in the System of Sciences] (pp. 471–482). Moscow: Nauka. (In Russian)

Konstantinovsky, D. L., Voznesenskaya, E. D., & Cherednichenko, G. A. (2014). *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vv.: obrazovanie, trud, social'noe samochuvstvie* [Youth of Russia at the Turn of the 21st Century: Education, Work, Social Well-being]. Moscow: TsSPiM. (In Russian)

Levada, Yu. A. (2001). Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the 20th Century: Research Opportunities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 5, 7–14. (In Russian)

Naumova, N. F. (1995). Zhiznennaya strategija cheloveka v perekhodnom obshestve [Human Life Strategy in a Transitional Society]. *Sociologicheskii zhurnal*, 2, 19–25. (In Russian)

Reznik, Yu. M. (1995). *Social'noe izmerenie zhiznennogo mira* [Social Dimension of the Vital World]. Moscow: Nezavisimyi institut grazhdanskogo obshchestva. (In Russian)

Тажидинова Ирина Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры социологии
Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Tazhidinova, Irina Gennadievna

PhD (History), Associate Professor
Department of Sociology
Kuban State University
149, Stavropolskaya Str., 350040 Krasnodar,
Russia
Email: tajidinova@yandex.ru